

Научная статья

УДК 165

doi: 10.17223/1998863X/71/4

СМЫСЛ ЗНАКА И СМЫСЛ ЗНАЧЕНИЯ В ЭПИСТЕМОЛОГИИ¹

Игорь Дмитриевич Невважай

*Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия,
igornevv@gmail.com*

Аннотация. Показано эвристическое значение понятия смысла в эпистемологии. Вводится широкое понимание смысла как способа связи знака и предметного значения. Предложенное автором понятие смысла значения позволяет обосновать существование в логике не только пустых понятий, но и так называемых бессодержательных понятий. Демонстрируется регулятивная функция смыслов в возникновении знаков и формировании значений.

Ключевые слова: смысл знака, смысл значения, пустое понятие, бессодержательное понятие, выражение, интерпретация

Для цитирования: Невважай И.Д. Смысл знака и смысл значения в эпистемологии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 71. С. 29–38. doi: 10.17223/1998863X/71/4

Original article

SENSE OF SIGN AND SENSE OF MEANING IN EPISTEMOLOGY

Igor D. Nevvazhay

Saratov State Academy of Law, Saratov, Russian Federation, igornevv@gmail.com

Abstract. The article shows the heuristic significance of the concept of sense in epistemology. It is difficult to overestimate the significance of Gottlob Frege's discovery of the concept of sense for semiotics. But Frege's definition of sense is limited in that it takes into account only one of two relations between the signifier and the signified. It is the relation of substitution, where the signifier expresses meaning. I propose that the Fregean definition of "sense of sign" be supplemented by a definition of "sense of meaning" which is related to the relation of the signifier pointing to the denotative. This introduces a broad understanding of sense as a way of relating sign and object meaning. Frege justified the existence of empty concepts in logic with the help of the introduced concept of sense. The concept of sense of meaning that I suggest allows substantiating the existence of so-called "non-content" (meaningless) concepts. The connection of two interpretations of sense with two basic functions of consciousness is shown: responsible consciousness provides expression, and intentional one provides interpretation. I consider interpretation and expression as the basic functions of consciousness of a subject of cognition as a concretization of the model of cognition, which was proposed by Ernst Cassirer. According to him, the logic of cognition includes the realization of the two most important actions that mediate the human attitude to the cognizing world: symbolization of the observed and giving of meaning to a symbol. Thus, the approach to understanding cognition developed in this article lies within the framework of enactivism, for which cognition is not a reflection in the subject's mind of the external world (as the dominant paradigm in cognitive science and epistemology –

¹ В основе статьи лежит доклад, представленный автором на пленарном заседании Международной научной конференции «Актуальные проблемы аналитической философии» (Томск, 11–12 ноября 2022 г.).

representationalism – claims), but a process of world formation by means of language-mediated interaction between human and the external environment. Therefore, the “given” always exists in relation to the subject and is either a meaning that must be expressed (it is necessary to find its sign, its name) or a sign that must be interpreted (it is necessary to find its meaning). There is no other “given”. The given exists only in relation to acts of consciousness as acts of discernment, that is, either an act of expression or an act of interpretation. Using examples from the history of physics, the heuristic significance of sense of empty concepts and non-content ones is shown, and the regulative function of sense in the emergence of signs and the formation of meanings is demonstrated.

Keywords: meaning of sign, meaning of meaning, empty concept, meaningless concept, expression, interpretation

For citation: Nevvazhay I.D. (2023) Sense of sign and sense of meaning in epistemology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 71. pp. 29–38. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/71/4

Ограниченность фреговского определения смысла

Тема смысла неисчерпаема. Подходы к определению смысла жизни или смысла текста, например, будут разными. В предлагаемой статье рассматривается фреговский подход к определению смысла. В отличие от многих версий понимания смысла фреговская концепция обладает той конкретностью, которая позволяет фиксировать, опредмечивать смысл и оперировать им как понятием. Поэтому данный подход, на мой взгляд, наиболее пригоден для исследования динамических процессов возникновения и трансформации научного знания.

Как известно, согласно Г. Фреге, смысл определяется как **способ представления обозначаемого** [1]. Введение понятия смысла для Фреге оправдывалось, по крайней мере, двумя обстоятельствами. Во-первых, в математическом выражении $A = B$ знаки «А» и «В» – это не просто синонимы, обозначающие один и тот же предмет. Если бы это было так, то математические равенства были бы лишь фиксацией лингвистической синонимии. Но это не так. Разные символы, знаки могут иметь одно и то же предметное значение, но они имеют разный смысл и несут для субъекта разную информацию, знание о предмете. Так, например, в выражении $e^{i\pi} = -1$ один знак (-1) не просто заменен другим, но в нем отражено важное открытие, несущее знание о том, что простое рациональное число является отношением двух иррациональных величин, или формула «вода = H_2O » раскрывает химический состав вещества «вода». И это связано с тем новым смыслом, которым обладает новый знак. Второе обстоятельство, заставившее Г. Фреге ввести понятие смысла, связано с существованием в логике пустых понятий. Пустые понятия не имеют предметных значений, референтов, но должны обладать, как полагал Г. Фреге, смыслом или смысловым значением.

Мне кажется, что в свете отмеченных выше двух обстоятельств, побудивших Фреге ввести понятие смысла, требуется дополнить фреговское определение смысла еще одним определением. Дело в том, что определение смысла, данное Фреге, и связанное с интерпретацией равенства $a = b$, не согласуется с требованием Фреге, чтобы пустые понятия обладали определенным смыслом, несмотря на отсутствие у них предметного значения, т.е. референта. Действительно, если смысл определять, согласно Фреге, как способ, каким нам дано значение, то нельзя придавать знаку смысл, поскольку

он **не может выражать** то, что отсутствует (референт). Как можно говорить о смысле как способе представления значения, если последнее отсутствует? Вариантом «спасения» фрегевского определения смысла (как смысла обозначающего) и его универсализацией является, например, введение представления о «возможных мирах», которое устраняет саму тему «пустых понятий» [2]. Я предлагаю другой подход, в котором не используется концепция «возможных миров», и таким образом теория смысла Г. Фреге не рассматривается мною как универсальная и достаточная.

Выход из отмеченной проблемной ситуации состоит в том, чтобы ввести разные определения смысла. Это будет возможным, если определять **смысл как способ соотношения знака и значения**. Но поскольку можно различать два типа соотношения знака и значения, то мы получаем два разных определения смысла, одно из которых совпадает с определением смысла по Фреге, другое отлично от него.

Отношение обозначающего и обозначаемого двузначно, разнонаправленно, поэтому можно говорить о двух отношениях: отношении знака к денотату, или предметному значению, и отношении предметного значения к знаку. В этих двух отношениях реализуются две базовые функции знака: знак *замещает* денотат и *указывает* на него. Замещение означает представление, выражение денотата посредством знака. Таковым является, например, акт именованя и всякий акт создания знака для данного предметного значения. В этом отношении замещения происходит получение информации о денотате в форме имени (отвечающего на вопрос «что это?»). Когда художник делает рисунок стакана, стоящего перед ним на столе, он использует знаки своего художественного языка. Напротив, указание есть акт создания значения данного знака. Этот акт мы называем интерпретацией. Знак может интерпретироваться по-разному, он может реализовывать разные смыслы и приобретать разные значения.

Указанные выше отношения между знаком и значением могут быть основой типологии культур. Такого рода типология была предложена в конце XX в. известными семиотиками Ю. Лотманом и Б. Успенским [3]. (См. аналогичный подход в работе шведских исследователей [4].) В первом типе культуры определяющую роль играет значение, и оно обуславливает знак, во втором – знак обуславливает значение. В отличие от вышеупомянутых авторов позволю себе по-своему назвать эти два типа культуры. В первом типе культуры – *культуре выражения* – значение определяет знак. Напротив, в *культуре интерпретации* знак определяет значение. Данные два типа культуры предлагают разные онтологии. В культуре выражения значение «находится» как данное в окружающем мире содержание, а знак – это «вторая» «созданная» реальность. В культуре интерпретации, наоборот, данная и найденная в окружающем мире реальность есть знак, который в результате его интерпретации «создает» другую реальность – предметную реальность значения. В каждой из двух культур содержатся предметы, которые мы «находим» («*finding*»), и предметы, которые мы «создаем» («*making*»), но это разные предметы в каждой культуре [5]. То есть в каждой культуре вопрос о том, что нам «дано», решается по-разному. Несмотря на этот релятивизм в каждой культуре различаются знаки и значения, но находятся они в разных отношениях друг к другу. В культуре выражения доминирует установка, со-

гласно которой знаки должны соответствовать значениям, имена вещей самим вещам. В культуре интерпретации другая установка: значения должны соответствовать знакам, вещи должны соответствовать своим именам. То есть в первом типе культуры считается, что язык, знаки не произвольны, не условны, а должны соответствовать данным нам извне предметным значениям. В культуре интерпретации знаки, язык не зависят от предметных значений, но наоборот, последние порождаются знаками, язык создает реальность – систему предметных значений знаков.

Важно отметить, что отношение обозначаемого к обозначающему и отношение обозначающего к обозначаемому не являются симметричными, ибо это качественно разные отношения. В этих разных отношениях реализуются две важнейшие функции знака: знак *замещает* денотат и *указывает* на него. Замещая денотат, знак его представляет, выражает. Таковым является, например, акт именованя и всякий акт создания знака для данного предметного значения. В этом отношении замещения происходит формирование информации о денотате в форме имени (отвечающего на вопрос «что это?»). Встречая, например, на улице человека, мы узнаём его, если его видимые признаки совпадают с теми, которые входят в содержание понятия об этом человеке, и когда мы называем этого человека соответствующим именем. Знак указывает на денотат лишь в акте интерпретации знака, когда мы задаемся вопросом о том, что он значит, что он обозначает. Подобный акт происходит всякий раз, когда мы сталкиваемся с незнакомым предметом, и процесс узнавания происходит таким образом, что сначала мы подбираем имя, которое содержит набор признаков, обнаруживаемых в узнаваемом предмете (или нет – в случае не узнавания предмета). В этом случае мы имеем дело с поиском предмета, соответствующего данному имени. Все эти акты являются вполне сознательными и в них реализуются две способности сознания, которые были открыты и изучены в феноменологии.

Мой анализ опирается на семиотическую интерпретацию феноменологической концепции сознания [6, 7]. Феноменология признает существование двух фундаментальных способностей сознания: интенциональности [8] и респонсивности [9, 10]. Интенциональное сознание реализуется посредством акта интерпретации знака, в результате которого знаку придается (making) предметное значение. Напротив, для респонсивного сознания всякий предмет «дан» как некое содержание, которое требует распознавания и выражения. С семиотической точки зрения это акт замещения и выражения значения посредством знака. Здесь мысль преимущественно направлена на выражение, на поиск знаков, текстов, адекватных некоторому «найденному» (finding) содержанию.

Интенциональность и респонсивность как разные модусы сознания объясняют несимметричность двух отношений между обозначающим и обозначаемым: отношении знака к предметному значению и отношении предметного значения к знаку. И эти модусы отвечают за существование двух типов культур. Культура интерпретации основана на интенциональной способности сознания, благодаря которой происходит генерация предметного значения знака. Культура выражения основана на респонсивной способности сознания, благодаря которой осуществляется поиск знака, который соответствовал бы наличному предметному значению.

Необходимо отметить, что Э. Кассирером был предложен аналогичный подход к пониманию сознания, когда он писал, что логика познания включает в себя реализацию двух важнейших действий, которые опосредуют отношение человека к познаваемому миру: символизация наблюдаемого и придание значения символу. Эти два действия, как отмечал Э. Кассирер, являются своего рода аналогами действий анатомических структур, обладающих системой рецепторов и системой эффекторов [11]. Таким образом, «данное» всегда существует относительно субъекта и является либо значением, которое должно быть выражено (необходимо найти его знак, имя), или знаком, который должен быть интерпретирован (необходимо найти его значение). Никакого другого «данного» нет. Данное есть лишь в связи с актами сознания как актами различения, т.е. либо актом выражения, либо актом интерпретации. Необходимо отметить, что подобное понимание познания соответствует позиции энактивизма [12], для которого познание представляет собой не отражение в сознании субъекта внешнего мира (как утверждает доминирующая в когнитивной науке и эпистемологии парадигма – репрезентационализм), а процесс формирования мира путем взаимодействия между человеком и внешней средой, когда посредником выступает язык.

Однако пора задаться важным вопросом: почему человек нацелен на поиск значения знака или на поиск знака для значения? Это вопрос о природе интенции и респонсии, о том, как они возможны. Я думаю, что для поиска ответов на поставленные вопросы необходимо обратиться к понятию смысла.

Определение смысла знака и смысла предметного значения

Фрегевское определение смысла связывает обозначающее (знак) и обозначаемое (предметное значение) в отношении выражения или представления. Поскольку в этом определении смысл связывается со знаком, есть характеристика, свойство знака, то обозначать фрегевский смысл можно с помощью слова «знак» и называть, таким образом, этот смысл посредством языковой конструкции «смысл знака». Здесь знак является переменной в отношении к предметному значению, которое фиксировано (см. формулу $A = B$). Но связь знака и значения содержит еще и другое отношение – отношение обозначающего к обозначаемому, которое не является симметричным отношением обозначаемого к обозначающему. Здесь переменной стороной отношения является предметное значение, а не знак. Это уже не отношение выражения, а отношение, которое может быть определено как интерпретация, или отношение указания. Оно является способом задания обозначаемого. Здесь мы говорим о смысле значения (предметного значения). Это определение другого смысла, отличного от фрегевского. Давать значению знак (представлять, или выражать значение) и придавать знаку значение – это две разные процедуры, в которых реализованы два разных значения смысла. Если снова обратиться к формуле $A = B$, то дать интерпретацию знакам A и B мы можем, только если придадим смысл (предметному) значению, общему и для A , и для B . Придать смысл значению мы можем, если зададим вопрос: что значат « A » и « B ». Например, если обозначаемое знаками « A » и « B » значение имеет физический смысл, то этими знаками мы обозначаем равные физические величины, если значению придается математический, в частности, гео-

метрический смысл, то знаками «А» и «В» мы обозначаем, допустим, площадь плоских фигур.

Теперь мы близко подошли к ответу на вопрос о том, какое значение имеет формальное различие понятия смысла знака и понятие смысла значения для понимания научного познания? Отношение знака и значения опосредовано смыслом. Когда одновременно в наличии есть и знак, и значение, то мы имеем дело с непустыми и содержательными понятиями. При этом возможны явления синонимии и омонимии. Синонимия имеет место тогда, когда одно значение может быть выражено разными знаками и, соответственно, разными смыслами знаков. Например, контурный рисунок на черном фоне является предметным значением, которое может быть выражено разными знаками: словами «утка» или «заяц», имеющими разный смысл.

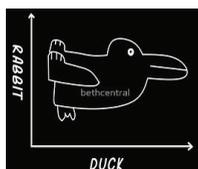

Рис. 1

Омонимия имеет место тогда, когда один знак может указывать на разные значения и поэтому последние обладают также разными смыслами. Примером может быть то же изображение «утко-заяц»: здесь один контурный рисунок-знак может быть интерпретирован двумя способами (смыслами): как имеющее предметное значение «утки» или предметное значение «зайца».

Я не случайно использовал одно и то же изображение для иллюстрации разных семиотических явлений – синонимии и омонимии – и разных смыслов. Просто на первом контурный рисунок рассматривался как обозначаемое (предметное значение), а на втором – как обозначающее (знак). Этим я хочу подчеркнуть то обстоятельство, что любое так называемое данное может рассматриваться либо как обозначаемое, либо как обозначающее, и это зависит от того, в каком качестве сознание выступает и какую функцию оно выполняет: как респонсивное и выразительное или интенциональное и интерпретативное.

Содержательная «работа» смыслов в деятельности сознания в процессе познания выявляется в особых предельных ситуациях, когда либо 1) есть знак, но не определено еще его предметное значение, либо 2) есть значение, но нет еще его знака. Когда есть знак и, соответственно, признаки содержания, но нет предметного значения, т.е. объема, то в логике мы говорим **о пустых понятиях**. Когда же есть значение (объем), но нет знака (признаков содержания), то в этом случае мы можем говорить о **не(бес)содержательных понятиях**. С последнего рода понятиями логика, кажется, дела не имеет. Однако, как у пустых понятий знак обладает смыслом, так и в случае бессодержательных понятий их предметные значения обладают смыслом. Но эти смыслы не соединяют наличествующие знак и значение, поэтому в отмеченных ситуациях смыслы являются либо интенциями, либо респонсиями. Смысл значения – это интенция значения, а смысл знака есть респонсия знака. Или: смысл знака – это направленность сознания на поиск своего возможного предметного значения, а смысл предметного значения – это его направ-

ленность на поиск своего знакового выражения. В повседневной практике мы нередко сталкиваемся с подобными ситуациями. Так, завидя какой-то не очень знакомый предмет, мы задумываемся над тем, **что это** за предмет, т.е. как его имя. Мы ищем ему имя, потому что предмет имеет для нас смысл, который раскрывается процедурой именованя. Дав ему имя, мы реализуем интенцию выражения, т.е. интенцию узнавания (респонсию) предмета. Но сознание выполняет и другую функцию, когда, реализуя интерпретационную интенцию, оно либо ищет предмет, который соответствовал бы уже имеющемуся знаку, либо создает его. Это хорошо иллюстрируется известным изображением на рис. 2.

Рис. 2

Это изображение известно под названием «жена-теща». Если спросить смотрящего на рис. 2, что он видит, то ответы могут быть разными, но всегда альтернативными. Допустим, что кто-то говорит, что видит пожилую женщину, условно говоря, «тещу». Мы можем объяснить этот результат таким образом, что в видимом изображении человек узнал «тещу», поскольку сработало респонсивное сознание, которое было в поиске имени видимого предмета. Но если этому же человеку предложить новое имя «жена» и попросить найти ее на изображаемом рисунке, то после некоторых усилий он увидит молодую женщину – «жену». Здесь мы наблюдаем интенциональный акт сознания. Но в обоих случаях, т.е. как в респонсивном акте, так и в интенциональном акте, сознательное действие продуцируется смыслами, которые мы придаем либо предметному значению, либо знаку. Результатом этих актов является, соответственно, фиксация смысла в знаке (в респонсивном акте) или фиксация смысла в предметном значении. При этом необходимо иметь в виду, что смысл не сводится ни к одной из конкретных фиксаций – ни к знаку, ни к значению, поскольку ни респонсия, ни интенция не могут реализовываться в разных знаках и разных предметных значениях. То есть смысл всегда шире того, в чем он раскрывается, воплощается, реализуется.

Смысл как генератор знаков и значений

Все описанные семиотические действия сознания обнаруживаются не только на примерах из повседневной практики, но и на множестве примеров из истории науки. В истории науки встречается немало примеров пустых понятий, которые с течением времени могут обрести свое предметное значение и таким образом перестать быть пустыми, но могут и исчезнуть из языка науки вообще. Возьмем пример с понятием атома. Имя «атом» появилось в эпоху Античности благодаря Левкиппу и Демокриту, но что обозначало, на какую реальность указывало это имя, тогда еще не было ясным. Имя «атом» (по-гречески «неделимое») ни на что не указывало. Правда, Демокрит придумал, что этим именем называются особого рода частицы, которые тот же Демокрит наделял произвольным набором свойств. Предметное значение

знака «атом» стало постепенно формироваться лишь начиная с XVIII в. (Джон Дальтон) и в XX в. окончательно сложилось в квантовой теории атома. Почему понятие атома так долго сохранялось? Я полагаю, что дело в том смысле, который изначально интуитивно мыслился Демокритом, а именно: атомы являются составными частями всякого сущего. Этот смысл «двигал» сознанием ученых, искавших простейшие элементы материальных тел. Смысл был генератором предметных значений. Напротив, понятие флогистона, которое должно было обозначать особую субстанцию, отвечающую за горение веществ, так и осталось в науке пустым. Никаких научных подтверждений существования флогистона найдено не было. Стоит отметить, что изначально пустые понятия могут не только превращаться в непустые или просто устраняться из научного языка, но возможен третий вариант, когда пустое понятие остается таковым в научном языке, но приобретает статус научной фикции. Так, понятие вечного двигателя в термодинамике остается пустым и сегодня, но в отличие от флогистона выполняет важную функцию: с его помощью формулируются термодинамические принципы. Таким же является понятие абсолютного нуля температуры по шкале Кельвина.

Но в науке функционируют не только пустые понятия, но и понятия **бессодержательные** (выражаясь осторожнее, можно их назвать понятия с **неопределенным содержанием**), но также обладающие смыслом. Бессодержательность означает отсутствие набора общих существенных признаков у предметов, мыслимых в объеме данного понятия. Дело в том, что нам могут быть пока неизвестны общие признаки, которыми обладают предметы, ибо мы нашли лишь имена, знаки, которые указывают на наличие предметного содержания. (Здесь уместно вспомнить средневековых номиналистов, реалистов и концептуалистов. Номиналисты считали, что мир состоит из единичных предметов, общим для них являются лишь имена, знаки, которые создают люди. Реалисты считали, что общее существует до предметов, сотворенных Богом, концептуалисты видели общее между предметами также и внутри самих предметов.)

Таким образом, человек может осознавать, что есть определенная предметная область, которую он пока не может представить, выразить посредством набора общих признаков некоего предполагаемого содержания. Это видно из того, что у человека есть имя, которое он относит к определенной предметной области, но это имя не содержит еще общих признаков предметов этой области. С таким феноменом мы встречаемся не только в истории науки, но и в исследовании психологических процессов в формировании научных понятий. Так, Жан Пиаже, изучая процесс формирования понятия скорости у детей, отмечал, что дети поначалу определяют скорость интуитивно как «обгон». Быстрота – признак скорости, но определяется величина скорости по ситуации «обгона»: кто обгоняет, тот и быстрее. Но этого признака явно недостаточно, чтобы отличать состояние, в котором присутствует скорость, от состояния, где ее нет. И в истории науки всем знакомая формула скорости как частного от деления пути на время была введена Эйлером лишь в XVIII в., благодаря которой признаками скорости стал пройденный путь и затраченное на это прохождение время. В результате бессодержательное вначале понятие скорости приобрело содержание за счет найденной знаковой математической формы выражения предметного значения «быстроты».

Другой любопытный пример из истории физики. Давно существовало представление о силе, но долгое время не были ясны признаки, свойственные любым силам (притяжения, отталкивания, трения, тяжести и т.п.). Лишь благодаря Декарту, который ввел представление о системе координат, появился язык, с помощью которого стало возможным описать или выразить силу в виде шести проекций вектора силы на оси координат: начало вектора (x_1, y_1, z_1) и его конец (x_2, y_2, z_2) . Со временем сформировалось математическое описание силы как вектора, который имеет направление и величину.

Нельзя не вспомнить предшественника Декарта Галилея, который сделал принципиальный шаг к формированию математического языка физики, высказав метафору «книги природы», которая написана на языке математики, буквами которого являются числа и фигуры. Этой метафорой Галилей открыл путь к тому, чтобы ранее лишь интуитивные, но «бессодержательные» понятия движения, скорости, ускорения, массы, силы приобрели признаки и соответствующие знаки, чтобы можно было сформулировать физическое содержание этих понятий. Если пустые понятия присущи культуре интерпретации, в которой смысл знака определяет значение, то бессодержательные понятия присущи культуре выражения, в которой смысл значения определяет его признак и знак. Главной заслугой, которая принадлежит Галилею, состоит в том, что он нашел универсальный **математический** язык, которым можно было бы выразить и описать наблюдаемые физические явления. Поэтому можно сказать, что основой современного естествознания была культура выражения, которую сформировал прежде всего Галилей. Но любопытно то, что в современном естествознании доминирует интерпретативная культура, которая продуцирует предметные значения математического научного языка. В физике XX в. уже при построении квантовой физики важную роль играл метод математической гипотезы. При этом главной задачей был поиск новых предметных значений математических символов. Например, поиск интерпретации уравнения Э. Шрёдингера и физического значения волновой функции в квантовой механике шел в течение многих лет.

Таким образом, учет семиотической структуры понятий, введение смысла в качестве базовой составляющей всякого понятия позволяют раскрыть важные ранее неизвестные механизмы возникновения нового знания и его эволюцию.

Список источников

1. Фреге Г. О смысле и значении // Логика и логическая семантика : сб. трудов / пер. с нем. Б.В. Бирюкова. М. : Аспект Пресс, 2000. С. 230–246.
2. Золян С.Т. О модальном измерении языкового знака: семантическая теория Г. Фреге и ее возможное расширение // Вопросы языкознания. 2014. № 3. С. 96–111.
3. Лотман Ю.М., Успенский В.А. О семиотическом механизме культуры // Труды по знаковым системам. Тарту, 1971. Т. V. С. 144–166.
4. Gluer K., Wikforss A. Against Content Normativity // Mind. 2009. Vol. 118. P. 31–70.
5. Рорти Р. Релятивизм: найденное и сделанное // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст / пер. с англ. под ред. А. Рубцова. М., 1997. 288 с.
6. Апель К.-О. Трансформация философии. М. : Логос, 2001.
7. Searle J.R. Intentionality. New York : Cambridge University Press, 1983.
8. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М. : ДИК, 1999. Т. 1.
9. Райнах А. Собрание сочинений. М., 2001.
10. Вальденфельс Б. Мотив чужого. Минск, 1999.

11. Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры / пер. с англ. Ю.А. Муравьева // Избранное. Опыт о человеке. М. : Гардарика, 1998. С. 440–722.

12. Thomson E. *Mind in Life. Biology, Phenomenology, and the Science of Mind*. Cambridge : Harvard University Press, 2007.

References

1. Frege, G. (2000) *Logika i logicheskaya semantika* [Logic and Logical Semantics]. Translated from German by B.V. Biryukov. Moscow: Aspekt Press. pp. 230–246.

2. Zolyan, S.T. (2014) O modal'nom izmerenii yazykovogo znaka: semanticheskaya teoriya G. Frege i ee vozmozhnoe rasshirenie [On the modal dimension of a linguistic sign: the semantic theory of G. Frege and its possible extension]. *Voprosy yazykoznanija*. 3. pp. 96–111.

3. Lotman, Yu.M. & Uspenskiy, B.A. (1971) O semioticheskom mekhanizme kul'tury [On the semiotic mechanism of culture]. *Trudy po znakovym sistemam*. V. pp. 144–166.

4. Gluer, K. & Wikforss, A. (2009) Against Content Normativity. *Mind*. 118. pp. 31–70.

5. Rorty, R. (1997) Relyativizm: naydennoe i sdelanoe [Relativism: The found and the done]. In: Rubtsov, A. (ed.) *Filosofskiy pragmatizm Richarda Rorti i rossiyskiy kontekst* [Philosophical Pragmatism of Richard Rorty and the Russian Context]. Translated from English. Moscow: [s.n.].

6. Apel, K.-O. (2001) *Transformatsiya filosofii* [The Transformation of Philosophy]. Translated from German by V. Kurennoy, B. Skuratov. Moscow: Logos.

7. Searle, J.R. (1983) *Intentionality*. New York: Cambridge University Press.

8. Husserl, E. (1999) *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii* [Ideas towards pure phenomenology and phenomenological philosophy]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: DIK.

9. Reinach, A. (2001) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Translated from German Moscow: [s.n.].

10. Waldenfels, B. (1999) *Motiv chuzhogo* [The Motif of Other]. Translated from German. Minsk: Propilei.

11. Cassirer, E. (1998) *Izbrannoe. Opyt o cheloveke* [Selected Works. About Human]. Translated from English by Yu.A. Muraviev. Moscow: Gardarika. pp. 440–722.

12. Thomson, E. (2007) *Mind in Life. Biology, Phenomenology, and the Science of Mind*. Cambridge: Harvard University Press.

Сведения об авторе:

Невважай И.Д. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Саратовской государственной юридической академии (Саратов, Россия). E-mail: igornevv@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Nevvazhay I.D. – Dr. Sci. (Philosophy), professor, head of the Department of Philosophy, Saratov State Academy of Law (Saratov, Russian Federation). E-mail: igornevv@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.11.2022;
одобрена после рецензирования 20.01.2023; принята к публикации 21.02.2023*

*The article was submitted 25.11.2022;
approved after reviewing 20.01.2023; accepted for publication 21.02.2023*